

Ирина Верехтина

ИЗБЯНОЙ

12+

Ирина Верехтина
Избяной

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Верехтина И.

Избяной / И. Верехтина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Дом Григория Негубина, построенный его дедом из сибирской лиственницы, оберегает от бед живущий на чердаке домовый. Даша, дочь Григория, не может простить домовому смерти матери и изощрённо мстит. Стараниями девочки домовый из доброго превращается в злого, и Дашина жизнь становится невыносимой. Несчастья случаются не с ней, а с теми, кого она любит, но в ком не течёт кровь Негубиных. Чтобы спасти от Избяного приёмную дочь, Дарья отправляет её в городской интернат... По народному поверью, злой домовый не может вернуться в прежнее доброе состояние. Зла он не творит, но и счастье больше не стережёт, и в негубинскую избу беспрепятственно входит беда.

Содержание

1. Ехало болело	5
2. Даша Негубина	10
3. Не разлей вода	14
4. Спаси рабу твою...	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

1. Ехало болело

Под колёсами хрустнул лёд. «Лада Калина» завалилась на бок и натужно заревела мотором. Выбираясь из глубокой колеи, скребла брюхом по замёрзшей грязи, словно жалуясь на судьбу. Гринька грязно выругался сквозь зубы – в который раз за длинную дорогу.

– Ехало болело, – изрекла Лидия Фёдоровна непонятное.

– Ты б не матюкался при ребёнке, Гриша. Сколько раз повторять? – не выдержала Гринькина жена.

Гринька сердито засопел.

– Папка, говорил же тебе, надо было джип брать, а не эту игрушку. На ней только по асфальту кататься, – вклинился в разговор восьмилетний Кирюша. И заработал от матери подзатыльник:

– Сиди и молчи, когда взрослые разговаривают.

От обиды Кирюша растянул губы, собираясь заплакать. Гринька обернулся, сжал сыну плечо сильными пальцами, улыбнулся понимающей улыбкой. Кирюша раздумал плакать и улыбнулся в ответ.

– На дорогу смотри! Машину убьёшь и нас всех покалечишь! – второй подзатыльник Зинаида отвесила мужу, от всей души. Тот охнул и послушно схватился за баранку.

– Навела порядок, – не выдержала свекровь.

– Мама! Хоть ты помолчи! Достали вы меня обе-две. Ехать не любо, так вылазьте из машины и шкирдуйте пёхом! – сорвался Григорий. В наступившем молчании скосил глаза на мать, с каменным лицом сидящую на переднем сиденье. Выговорил сдавленным голосом: – Ты это... Извини, мам.

Лидия Фёдоровна обиженно поджала губы. Перегнувшись через сиденье, надвинула внуку на брови вязаную шапочку и сунула в руки леденец.

– Кирюшенька, ты не замёрз ли? Сидеть удобно ли тебе? Спать хочешь? Подняли ребёнка ни свет ни заря... Ты поспи, милоч. Нам ещё ехать и ехать...

Внука Лидия любила до беспамятыства. И невестку любила – за внука, которого та словно слепила с сына: и лоб высокий, отцовский, и брови, и руки с цепкими длинными пальцами. И характер Гринькин, с малолетства на пакости гораздый. Подзатыльниками не выбьешь.

В салоне «Лады Калины» воцарилась нехорошая тишина.

Зинаида злилась на мужа – за то, что не посмел перечить матери и согласился забрать из деревни свою неродную бабу, которой в этом году стукнуло семьдесят два. Бабушкой Дарья Григорьевна была только на словах, как и матерью. Приёмную дочку определила в котловскую школу-интернат, а на каникулы отправляла в лагерь. Да и за внуком плохо смотрела. Лидия Фёдоровна перестала оставлять его у матери после одного случая. Пятилетний Кирюша спрыгнул с чердачной лестницы и напоролся на стоящие кверху зубьями вилы. На память о том прыжке у мальчика остался длинный рубец через всё бедро. Дарья Григорьевна вины за собой не признала, клялась и божилась, что вилы стояли зубьями вниз и переставить их никто, кроме Кирюши, не мог. От глаз Лидии не укрылось, как мать суетливо прятала под фартук трясущиеся руки. Знает кошка, чьё мясо съела.

О мачехе Лидия заботилась как о родной матери: писала длинные обстоятельные письма, баловала посылками, два раза в год отправляла денежные переводы. А теперь решила поселить её в их новой квартире.

На робкие Зинины возражения свекровь не рассердилась, ответила неожиданно мягко: «Она к нам не навсегда, на зиму только, а весной в деревню уедет. Вот – не знаю, как её уговорить. Письмо отправила, теперь ответа жду».

Зинаида рассуждала по-другому. Зиму со свекровиной матерью можно как-то пережить. А вдруг старухе понравится городское житьё? Вдруг – возьмёт да останется? Свекровь только рада будет, Гриньке всё равно, а ей, Зинаиде, какво? Считай, две свекрови вместо одной. Перезимовала бы в Клятово, ничего бы с ней не случилось. Дарья Григорьевна так и написала в ответном письме: «Обо мне не беспокойтесь. Картошка уродилась, грибов засушила, черницы собрала, варенья наварила. Консервы мясные остались, что ты присылала. На зиму хватит. Мне бы денежек сколько-нисколько, дров купить да козе сенца копёшку. А город ваш мне ни к чему. Зиму проживу, чай, помирать не собираюсь».

К огорчению Зинаиды, свекровь не изменила своего решения: «Всё одно маму к себе забери. Зиму обещают снежную, от избы до колодца дорожку каждый день расчищать надо, а она восьмой десяток разменяла, лопату в руках не удержит. Соседям платить придётся, чтоб дорожку чистили, да чтоб воду до избы носили, да за колку дров... Денег уйдёт прорва. – И оптимистично закончила: – А коли с нами зиму проживёт – и денежки целы останутся, и душа болеть не будет, как там мама, жива али нет».

Зинаида завела с мужем осторожный разговор, суть которого сводилась к следующему: не хочет старуха в город, и не надо. Посылку ей соберём богатую, с тушёнкой да гречкой. Перевод денежный пошлём, чтобы на всё про всё хватило. За деньги Дарье Григорьевне сена привезут, дров наколют, воды натаскают и спасибо скажут. Деньги никому не лишние. В своей-то избе сама себе хозяйка, а в городе у неё – ни кола ни угла, будет под ногами путаться.

Гринька сжал кулаки и нехорошо улыбнулся. Сказал притворно-ласково:

– Это ты хорошо придумала. Молодец. Возьми с полки пирожок с гвоздями. – И загремел, расходясь голосом, как гармонь в пьяных руках:

– У тебя, что ли, под ногами путаться бабке моей родной? Ты, что ли, денег ей дашь? Вот свои и посылай, а моими не распоряжайся. Не твоя родня, не тебе решать. Мать правильно говорит. Там знаешь какой домина? Его протопить – на дровах разоришься. Пушай бабка Дарья зиму с нами живёт, дешевле обойдётся.

Зинаида молчала. У неё никогда не поймёшь, то ли согласна, то ли против. Гринька решил, что согласна. И продолжил:

Нам ещё гараж покупать, забыла? Зин, ты мозги-то включай, шевели извилинами. Квартиру мебелью обставлять надо? Надо. Обои новые клеить. Посуду покупать. Ещё хлебопечку мать просит и эту, как её... мультиварку. Ещё занавески тюлевые на четыре окна, да гардины, да на кухню мать комплект приглядела. Я ей говорю: «Ты цену-то видела?» А она мне: «Всё равно куплю».

Гринька загибал пальцы, перечисляя. Зина смотрела и думала, что пальцы вот-вот закончатся.

– Кирюшке ботинки зимние нужны, он тимберленды просит. Ещё планшет новый я ему обещал. Ещё за курсы за твои платить.

– Это за какие такие за курсы?

– Закудакала. Курсы вождения. Или ты без прав машину водить собираешься, до первого поста ГАИ? – Гринька хотел было загнуть очередной палец, но после планшета свободных пальцев не осталось.

Посмотрел в растерянности на свои руки. Вот бы бабу Дашу уговорить, чтобы дом продала. Квартира у них большая, всем места хватит, и денег хватит на всё, и ещё останется. Да только она не согласится. Гринька в ярости рубанул кулаком воздух.

Не ожидавшая такого, Зина оглянулась, испуганно отступила к двери.

– Заоглядывалась... Я тебя когда-нибудь бил? Кирюшку хоть пальцем тронул?! – разо-рялся Гринька. – Попутала баба берега. Вдругорядь смотри, куда плывёшь.

Вспоминая, чем закончился разговор с мужем, Зинаида мрачнела лицом. Избавиться от старухи не получилось. Гринька, стервец, на деньгах сэкономить решил, и мать его такая же, своего не упустит.

– Козу с курями к соседке на зиму пристроим, не откажет поди, – нарушила молчание Лидия Фёдоровна. – Маме комнату отдадим, за кухней которая, а мы с Кирюшей в одной поместимся. Зато дрова не покупать. Они дорогие, дрова-то. В копеечку встанут. А в квартире батареи всю зиму шпарят и вода горячая.

Возражать бабушке было нельзя. Кирюша крепился и молчал, а на глаза навёртывались слёзы. Его комнату отдадут папиной неродной бабушке, которая поселится в их квартире. Бабушка у Кирюши есть, зачем ему две? Ему и одной хватает, лезет с поцелуями, шапку на нём поправляет, куртку одёргивает, будто он маленький. А он уже большой, бабушкина надоедливая забота ему не нужна. А она не понимает и лезет! Теперь бабушек будет две. Хоть из дома беги. Из дома, где у него не будет своей комнаты...

Завод, где работал Гринька, построил для своих рабочих девятиэтажный дом, и Виноградовы стали хозяевами четырёхкомнатной квартиры. Им полагалась трёхкомнатная, но Гринька отнёс в заводской жилотдел справку, в которой чёрным по белому значилось, что его жена, Зинаида Павловна Виноградова, на пятом месяце беременности.

Лидия светилась от радости, хвасталась направо и налево: «Гринька-то мой чего удумал! Засандалил Зинке ребятёнка, и квартиру отгрёб на пятерых, с балконом! На заводе все обзавидовались, сам ходит как кум королю. Зинка деньги с книжки сняла, мебель покупать поедут с Гринею.

Комнаты достались всем: Лидии Фёдоровне, Гриньке с женой, а самая лучшая, с балконом, принадлежала Кирюше. И не беда, что войти в неё можно лишь через кухню. Даже ещё лучше: возьмёшь что-нибудь вкусное из буфета, и никто не увидит! Четвёртая – проходная гостиная, куда выходили двери из бабы-Лидиной и папы-маминой комнат – принадлежала всем вместе.

– Пап, а пускай бабы-Лидина мама в бабушкиной комнате живёт! – забросил Кирюшка пробный шар. – Вместе им весело будет. И можно играть.

Отец ничего не ответил. Он тоже боится бабушку, понял Кирюша. В их семье всё и всегда решала баба Лида, и даже Кирюшину маму нашла и привела в их дом, и папа на ней женился. Молодец всё-таки бабушка! Разбирается в женщинах. Так сказал Кирюшин папа, и Кирюша с ним согласился: мама у него лучше всех!

– Пап! – не отставал Кирюша. – Засандаль мамке ещё ребёночка! Тогда нам квартиру дадут ещё больше, баба Даша будет в гостиной с ребёнками жить, а я в своей комнате.

Кирюше нравилось новое слово, чем-то похожее на обувь. Наверное, засандалить – это попросить маму, чтобы она сходила в роддом и принесла оттуда ещё одного мальчика. Идея казалась Кирюше взрослой и умной. Почему же все молчат?

Первой, к кому вернулся дар речи, оказалась Зинаида.

– Что хотели, то и заимели, мама. Где цветок, там и медок.

В мамином голосе звучало злое торжество. Она никогда не позволяла себе говорить с бабушкой таким тоном. Сейчас баба Лида ей задаст...

Но бабушка молчала. Зато заговорил отец.

– Кир. Скажешь ещё слово, видит Бог, сниму ремень и выпорю.

Кирюше нравилось, когда отец называл его Киром. Но сейчас взрослое красивое имя почему-то не радовало. Он сказал что-то недозволенное, но не понимал, что именно. А папа рассердился. Про ремень – это сказки. Бабушка не позволит, а бабушку папа слушался, потому что она его мама. Хотя кто его знает...

Кирюша надулся и замолчал.

Зинаиде было обидно до слёз: четырёхкомнатная квартира – её заслуга, не будь она в тягости, им дали бы трёхкомнатную. Зина вспомнила, как радовался Кирюша, что у него будет своя комната. А теперь свекрови втемяшилось поселить в ней мать, хотя старуха вполне могла бы перекантоваться в проходной гостиной. Но Лидия Фёдоровна была непреклонна.

подавить тяжёлый вздох не получилось. Муж едва заметно кивнул головой. Не хочет спорить с матерью, поняла Зинаида. И не проронила ни слова до самого Клятово.

* * *

Своё название Клятово оправдывало: летом здесь стояла липкая жара, осенью шли обильные дожди – и дорога, соединяющая деревню с городом Котловом, превращалась в глинистую кашу. Лошади поминутно оскальзывались, норовя опрокинуть телегу со всем её содержимым в жидкую грязь, машины на первом же километре садились на брюхо, и их приходилось вытягивать трактором. А автобус ходил только летом.

В декабре дорогу сковывало морозом, и сообщение возобновлялось. Магазин в деревне кооперативный, цены в нём – раскатал губу, закатай обратно, говорили клятовские. И возили из Котлова – муку в мешках, макароны в картонных коробках, консервы в железных банках, гвозди в фанерных ящиках, вилы, топоры, лопаты и прочий железный инвентарь, в хозяйстве незаменимый. Консервы хранили в подполе до весны, когда заканчивались домашние запасы.

Зимой тракт заваливало снегом. Расчищать его городским властям не приходило в голову: через неделю опять занесёт, а бюджет не бездонная бочка. Пушай клятовские сами дорогу чистят, им она нужнее, а котловским вроде как ни к чему. Клятовские кляли начальство на чём свет стоит и до весны жили оторванными от цивилизации.

В незапамятные времена Колятово насчитывало двести двадцать дворов и принадлежало графу Стефану Колятовскому. Но грянула революция 1917 года, граф с семьёй и прислугой бежал в Польшу, деревню переименовали в Клятово, а в бывшем графском имении организовали совхоз. Жили деревенские по тем временам безбедно. В пяти окрестных прудах водились караси и карпы, золотистые лини и юркие щуки. В лугах густо поднимались травы, и совхозным бурёнкам вдосталь хватало сена. На торфяниках ковром расстилался черничник с крупными и сладкими ягодами, в лесу водились зайцы, белки и лисы. Куропатки и фазаны вспархивали из-под ног и дуром пёрли на выстрелы. Тетерева-косачи уже в марте собирались парами на лесных опушках, заводили на снегу брачные хороводы. Мясо у тетерева нежное и сочное, тёмно-вишнёвое на грудке, а внутри розовое. В городе его раскупали не торгуясь.

Совхоз исправно сдавал государству мясо, деревенские возили в город на продажу творог, молоко и масло, вяленых щук, копчёных лещей, печёных линей. Жаловаться на жизнь никому не приходило в голову. Картошки хватало на всю зиму и оставалось ещё на продажу, в подпольях теснились бочки с квашеной капустой, солёными огурцами и мочёной антоновкой, банки с яблочным, вишнёвым и сливовым вареньем, мешочки с сушёными грибами и яблоками.

Дарья Офицера жила в достатке. А что одна – так это не беда, были бы деньги. А ей дочка с зятем денежные переводы присылают дважды в год, на Пасху и на Покров.

– Счастливая ты, Григорьевна, деньгам счёту не ведёшь, мужики тебе за них всё сделают, что ни попросишь, – скороговоркой сыпала почтальонка Дуся Толоконникова, которую прозвали толкушкой за болтливый язык. И смотрела жадными глазами, как Дарья пересчитывает деньги.

– Чем языком молоть, шла бы ты, Дуська, куда шла. Некогда мне разговоры разговаривать. На вот тебе за труды... – Григорьевна совала Дусе денежку, которую та принимала с заискивающей улыбкой и, взметнув подолом длинной юбки, спешила разнести по деревне весть:

– Григорихе-то опять перевод от дочки пришёл. Ей за энти деньги мужики огород семь раз вскопают, в хомут сами впрягутся вместо лошади. И ведь что странно: дочку приёмную

не растила, в интернат сбагрила, а Линка ей подарочки возит да денежки шлёт. Чудны дела твои, Господи.

2. Даша Негубина

Никого и никогда Дарья Негубина не любила так сильно, как свою мать. Семьдесят прожитых лет не стёрли из памяти ласковую заботу и синий сборчатый фартук, в который можно уткнуться лицом и выплакать обиду. Ещё ей помнились материны рассказы о домовом, которого маленькая Даша боялась. Домовик с Домовихой жили на чердаке и, по словам матери, запросто могли спуститься ночью вниз и наказать Дашу за проделки.

– А зачем ему у нас жить? У него своего дома нет? – боязливо оглядываясь, спрашивала Даша.

– Всегда он с людьми живёт, дом сторожит, беду отводит, домашних своих бережёт, а за ссоры да раздоры наказывает.

– А как его зовут?

– Избяным кличут. Только ты по имени о нём не думай и в голос не обращай. Не то услышит да в гости припожалует. Не обрадуешься.

Последние слова мать говорила шёпотом, крестилась собранными щепотью пальцами. Отвернувшись, Даша перекрестилась крепко сжатым кулаком, чтобы посильнее испугать домового.

Избяного полагалось уважать, оставлять для него угощение, менять в чашке воду: стоялую домовик не любил. На чердаке, в дальнем от окна углу, материн дед, а Дашин прадед, сколотил из сосновых крепких досок низенькую кладовку: в полный рост не войти и согнувшись не войти, в дверку только руку просунуть можно.

– А как домовик догадался, что это для него домик? Откуда он пришёл?

– Откуда пришёл? Из старой избы. А как дед мой, царствие ему небесное, новую избу строил, из печи горячих углей нагрёб, в новую печь перенёс, домового позвал: «Милости просим, соседushко, в новое жильё». А как хлеб в той печи испекли, первый ломоть отрезали да не ели, в правом углу под избой закопали. Домовому с домовихой угощение.

Мать выставляла перед дверцей кладовки блюдечко с мёдом, насыпала горстку зерна, выплёскивала из чашки воду и наливала свежую. Даша с тревогой смотрела на дверцу: а ну как схватит за руку Избяной да к себе утащит? В кладовке было тихо. Может, там и нет никого? А проверять страшно, да и мать заругается.

На чердак Катерина поднималась с трудом, останавливаясь на каждой ступеньке и надсадно дыша. У неё была грудная жаба. Боль появлялась внезапно: от принесённого от колодца коромысла, от услышанного недоброго слова, от плотного ужина, от Дашиного истощного рёва из-за оторвавшейся у куклы ноги. В такие минуты мать мрачнела лицом, ложилась на кровать и шумно втягивала в себя воздух. Даша жалела мать и не понимала, почему домовый не хочет её вылечить.

– Мамочка, попроси Избяного, чтобы жабу с тебя снял.

– Глупая ты. Нет никакой жабы, просто называют так – болезнь.

Даша расстёгивала материну блузку, под которой белела исподняя рубашка. На груди никто не сидел. Значит, жаба упрыгала куда-то, – думала девочка. Но мать почему-то не вставала и несколько дней лежала пластом.

– Ма, ты почему лежишь? Жабы ведь нет, она ушла.

– Я встану, дочка. Полежу ещё денёк и встану. А ты бы поднялась наверх, домовому водички свежей отнесла, – просила мать.

Даша взбиралась по крутой лестнице, садилась у дверки кладовки и шёпотом рассказывала Избяному про мать, которая всё болеет, про корову, которая на выпасе сжевала осиное гнездо и теперь стонала и отказывалась от еды. А корова стельная, что ж теперь с телёночком будет, вдруг его осы там, внутри, заедят?

Не получив ответа, спускалась вниз с тяжёлым чувством. Выходило, что домовик забыл о своей обязанности беречь дом и всех, кто в нём живёт. За что ж тогда его кормить? Девочка дочиста слизывала с блюда принесённый для домового мёд, а зёрна разбрасывала по чердаку: есть захочет – соберёт, а не то голодным спать ляжет.

Лёжа в постели, с удовлетворением слушала, как Избяной топчется по чердаку, собирая зёрна, стучит дверцей своего домика – злится.

– Не спишь, дочка? – тяжёлая отцовская рука провела по волосам, поправила подушку, подоткнула с боков одеяло. – Ветер-то как расходился! Стучит, шумит, в избу просится. А мы его не пустим. Спи, моя хорошая, спи с Богом...

Даша закрывала глаза и думала сквозь набегающий сон, что завтра надо незаметно от отца вытащить из поленицы березовое полешко и подпереть им дверку кладовки, чтобы Избяной не вылез и не наказал её за съеденный мёд.

Катерина из-за сердечной хворобы часто ложилась отдыхать, не могла уследить за быстрой дочкой, и девочка росла вольно. Единственный ребёнок в семье, она не знала ни в чём отказу, хвасталась перед подругами нарядными башмачками и платьями, угощала конфетами, которые всегда носила в карманах. Конфеты и пряники Даша ела по будням, а всем-то давали по праздникам. Избалованная сверх всякой меры и уверенная в своей безнаказанности, однажды попросила деда:

– Давай домового с домовихой из избы выгоним! Он нехороший. Мама его мёдом кормит, а всё равно болеет, выздороветь не может. Знаешь он кто? Дармоед и захребетник! – заявила Даша деду.

– Окстись! Язык бы твой отсох за такие слова! – в дедовых глазах девочке чудился испуг и сокровенное, лишь ему одному ведомое знание.

– Ладно, дедушка, ладно, я больше не буду, я не буду так говорить... – скороговоркой бормотала Даша, стараясь задобрить разозлившегося деда. Но каяться было поздно: дед выломал из плетня хворостину и в первый и последний раз отстегал внучку, положив поперёк колена и не слушая пронзительных криков.

– Заслужила, так получай. И не ори мне. И отцу не жалуйся. Не то добавит. И чтобы слов таких поганых я от тебя не слышал боле.

В довершение ко всему, дед велел отдать домовому городской печатный пряник с тестяными выпуклыми узорами, облитый медовой глазурью. Даше жалко было его есть, и она не ела, берегла.

Доберегла.

Пряник Даша съела здесь же, на чердаке, давась слезами обиды. А уходя, изругала домового нехорошими словами, которые слышала от мужиков, и с размаху бацнула в дверцу кладовки ногой. На Дашину беду это услышал отец. С того дня кормить домового стало её обязанностью.

Учительница в школе говорила, что домового на самом деле нет, и кикиморы нет, и русалок, и лешего. Что это предрассудки. Но куда же тогда девается еда, спросила у неё Даша. И получила исчерпывающий ответ: зёрна съедают мыши, вода из чашки испаряется от жары, а мёд на блюде высыхает и становится тонкой невидимой корочкой.

Спорить с учительницей нельзя. Даша и не спорила. Но если бы Нина Филипповна хоть раз осталась ночевать в их доме, то услышала бы, как по чердаку бродит разлапистыми шагами Избяной, скрипит половицами, жалуется на судьбу. Дашиными стараниями он каждый день остаётся голодным и сам вынужден добывать себе пропитание. Вот и ходит, вот и злится, а сделать ничего не может.

Даша мстила Избяному изошрённо: наливала для него в чашку круто посоленную воду, щедро разбрасывала по чердаку травленое зерно, купленное отцом для крыс, обживших подпол, а в мёд добавляла горчицу. О тайной войне с Избяным домашним знать не полагалось,

иначе бы Даше не поздоровилось. Григорий, в отличие от дочки, не винил «хозяина» в болезни жены и строго следил за тем, есть ли у Избяного еда и вода. Удостоверившись, что – есть, целовал дочку в лоб, а она улыбалась деланной улыбкой и со страхом думала, что будет, если отец захочет попробовать мёд или выпить воду.

Вышло всё хуже, чем думалось.

На чердаке отец сплёл из ивовых прутьев закут для цыплят: августовские ночи холодные, в сенях цыплята мёрзнут, а на чердаке тепло. Цыплят набралось больше пятидесяти – от шестерых несушек. Их перенесли на чердак в двух больших корзинах, следом – заполошно квохчущую курицу. Утром всех нашли мёртвыми: цыплята вылезли через щель в прутьях и под предводительством заботливой наседки склевали травленное зерно до последнего зёрнышка.

– Избяной постарался, – заключил дед. – Чем ему не угодили, знать бы...

Отец не проронил ни слова. Собрал цыплячьи невесомые тельца в корзину и закопал за сараем. Мать молчала, сморкалась и плакала. Избяной на чердаке молчал, шуршал и радовался.

«Меня не достал, на цыплятах отыгрался, – думала Даша. – Подожди, я тебе устрою. Запоёшь лазаря». И изобретательно придумывала новые пакости, старательно изображая перед домашними пай-девочку. И перестаралась.

Отец как-то догадался, что она имеет отношение к случившемуся. Не задаривал, как раньше, обновками, и ей приходилось носить платья, на которые мать пришивала аккуратные круглые заплатки. Перестал возить из города гостинцы. Не спускал шалостей, на которые всегда смотрел сквозь пальцы. Наказанием была работа по дому, не тяжёлая, но отнимавшая время.

Даша чувствовала себя пленницей.

– Мама, я всё сделала, что велено. Я на улку пойду, ладно?

– Отец отпустит, тогда и пойдёшь. У меня не спрашивайся, он в дому хозяин.

– Батя, я всё сделала, что ты велел, я на улку пойду, к девчонкам. Можно?

– Сделала, говоришь? И в избе прибралась? А почему тряпка на столе лежит? А кофту почему не убрала? На мать понадеялась? Мать-то у нас хворая, знаешь ведь. Её от работы ослобонить бы, подмогнуть чем-ничем, а ты всё на ней проехать норовишь.

Даша соглашалась с отцом, убирала забытую на столе посудную тряпку, прятала в сундук шерстяную кофту – мать заштопала её на локтях и оставила на лавке. А могла бы убрать. Тогда Даше не пришлось бы выслушивать от отца замечания.

– Кофтёнку могла бы сама заштопать, а ты матери отдала. Самой-то лень, видать... – Отец будто услышал её мысли.

Даша приказала себе не думать ни о чём, чтобы он не подслушивал. Не думать не получалось. Вот сейчас ещё что-нибудь углядит, и ей опять придётся оправдываться. И почему мама не убрала в сундук эту противную кофту? Наверное, подумала, что Даша её наденет, когда пойдёт гулять.

Отец подождал, пока Даша сунет кофту в сундук и закроет крышку, и продолжил:

– Окна вымыла? А почему стёкла в разводах?

– Не знаю, почему. Я мыльной водой мыла и газетами протирала.

– Значит, плохо протирала. Вдругорядь протри, чтоб стёкол вовсе не видать было.

– Это как – не видать? С закрытыми глазами, что ли? – упавшим голосом спросила Даша.

– Можешь и с закрытыми глазами, – усмехался отец. – Чтоб, значит, прозрачные были.

Как закончишь, меня покличешь, приду погляжу. Тогда и на улку пойдёшь.

Вот – как с ним говорить? Даша с ожесточением тёрла стёкла, глаза закипали злыми слезами, и отмытые до блеска окна казались мутными.

С того лета между ней и отцом словно выросла стена. Даша больше не взбиралась к нему на колени, не выкладывала свои детские горести и не поверяла секретов. Об их дружбе с Федькой Офицеровым не знали ни дед, ни отец. Как не узнали о том, что дружба незаметно

переросла в любовь. Пятнадцатилетний Фёдор, краснея, попросил разрешения её поцеловать. Шестнадцатилетняя Даша, понимая значительность происходящего, важно кивнула, разрешая.

- У тебя губы ягодами пахнут.
- И у тебя.
- А ты почему шёпотом говоришь?
- А ты почему?
- Не знаю.

Сцепившись указательными пальцами, они поклялись друг другу, что поженятся, когда Фёдору исполнится восемнадцать, а до тех пор это будет их тайна, и никто ничего не узнает.

Виделись не часто, и Дашин отец ни о чём не догадывался. Им хватало – взгляда, едва заметного наклона головы, нарочно сбитого шага, «нечаянно» развязавшегося шнурка, которой Даша, отстав от подружек, старательно и долго завязывала, вскидывая глаза на стоящего рядом Фёдора и слушая торопливые слова:

- Вечером на пруды приходи, соловьёв слушать.
- Ага. Приду. Я картох принесу, испечём.

Сидели на берегу, соприкасаясь плечами, смотрели на звёзды, отражавшиеся в спокойной воде. Выкатывали палочкой из прогоревших углей картошку, жевали, обжигаясь и дуя на пальцы. И говорили не переставая, и дурачились, и смеялись, чувствуя себя на седьмом небе от счастья.

До свадьбы, в которую оба верили, оставалось три года.

* * *

В семнадцать лет Дарья вошла в невестин возраст, налилась телом, смотрела особым взглядом на парней, будто выбирала.

«Замуж тебе пора, – без обиняков бухнул отец, застав Дарью вертящейся перед зеркалом в спущенной с плеч комбинашке. Бесовская одежда, глаза от неё отвести мудрено, сами смотрят-любуются. – И жених есть, Митрия Кожина сын.

Дарья торопливо соображала, у кого искать защиты. Выходило так, что не у кого: мать, от болезни состарившаяся до срока, в свои сорок два года потеряла интерес к жизни, на Дарьины жалобы не реагировала и в действия отца не вмешивалась. Дед Андриян стоял за сына горой, не вникая в суть вопроса: «Вот как Гришаня мой сказал, так оно и есть. Он в доме хозяин. А и́нче не мо́гёт быть» – заключал дед, с торжеством глядя на сноху. Мать махала на него рукой, уходила на двор. Спорить с дедом бесполезно.

Просить его о помощи тоже бесполезно, против сына не пойдёт, хоть режь его, хоть ешь его. Значит, ей придётся самой... Дарья открыла было рот, но отец взмахом руки приказал замолчать. Припечатал:

- И оденься. Не маленькая уже, голяком по избе шлёндать. Штаны ишоними...

Пристыженная Даша торопясь натянула платье. За что так зол на неё отец? Атласную, струящуюся по телу комбинацию он сам привёз ей из города, а теперь злится. И что он там говорил о замужестве? Вот ещё удумал. Стёпка Кожин никогда не станет её мужем.

3. Не разлей вода

Кожинская изба от Негубиных через изгородь, и Дашин отец дружил со Стёпкиным с самого детства. Митрий Степаныч против свадьбы не возражал и был весьма доволен:

– Стёпка мой давно на Дашку заглядывается, глаз не сводит с девки. Радый будет. Подворья у нас бок о бок, и покосы рядышком, и огороды. Ежли их соединить да межу распахать, знатный ломоть прибавится.

– Про межу ты здорово придумал. А я, дурак, не сообразил! Так породнимся, значит? По рукам, друг мой разлюбезный?

– Были мы с тобой друзьями, а станем сватами. По рукам!

Даша вошла в избу, когда оба были в изрядном подпитии – обмывали-обговаривали предстоящее сватовство. Утомлённая работой в огороде, разомлевшая от жары, стащила с головы платок и вытерла разгорячённое лицо. Поглядела опасно на отца, собрала со стола закуски, унесла в поставец (прим.: стеной или угловой шкаф-подстольник с открытыми полками). Самогон отец забрать не позволил. Дарья сердито взмахнула ресницами, ушла на двор, загремела дужкой умывальника.

Хорошая у него будет сноха, покладистая да покорливая, думал Митрий. А Федьке Офицеру не обломится. Голь перекатная, дыра в кармане да мышь на аркане, а с Негубиными породниться мечтает. Как мимо идёт, у негубинской калитки шаг сбивает, на окошки глаза пялит да посвистывает, ровно собаку кличет. Да только – всяк сверчок знай свой шесток. Дашка на него даже не смотрит.

Он не знал, как сильно ошибался на Дарьян счёт.

* * *

Три Дашиных сестрёлки и два братика умерли в младенчестве, а Даша выжила. Росла неугомонной да проказливой, словно проживая за всех пятерых их непрожитые жизни.

Её воспитанием занимались отец и дед. Мать, обессиленная сердечной болезнью и частыми родами, вставала с постели лишь затем, чтобы подоить корову, проводить её в стадо, растопить печь и сварить немудрёную еду. На стол подавал отец, со стола убирала Даша, миски и чугулки отмывали вдвоём, распевая песни, чтобы веселей работалось.

За проделки отец не наказывал, пожурит слегка и забудет. А в воскресенье привезёт из города мятных леденцов или рассыпчатое печенье «курабье», которое в доме называли «карабье». Или ещё что-нибудь привезёт в подарок, словно Даша не разбивала маминого любимого кувшина и не шлёпалась на грядку с первой клубникой. От клубники осталась красно-зелёная каша, которую Даша находчиво скормила козе Машке, выпустив её из сарая. А назад отвести забыла. Покончив с клубникой, Машка отправилась в огород, и если бы мать не выглянула в окно, коза натворила бы дел...

Даше всё сходило с рук. Но в один из летних безмятежных дней жизнь, казавшаяся прекрасной, в одночасье стала невыносимой. И не отец был тому виной.

Со Стёпкой Кожиным она дружила крепко, не разлей вода. И прощала ему всё, чего не простила бы никому другому. Их разделяло три года. Стёпка на правах старшего придумывал игры, за которые ему знатно влетело бы от отца, если бы Даша вздумала пожаловаться. Зимой закапывал свою подружку с головой в сугроб (игра называлась «медвежья берлога»). Летом обливал из ковша колодезной водой, коварно притаившись за углом. А однажды сунул ей за шиворот крапивный стебель и под Дашин жалобный скулёж уверял, что крапиву уронил нечаянно и сейчас достанет: «Да не дёргайся ты! А то мне её не ухватить» – требовал Стёпка. Но крапива жгуче кусала спину, Даша вертелась и ёрзала, и процесс затянулся.

Она никогда не жаловалась и терпеливо сносила его выходки, потому что на рыбалку её отпускали только со Степаном, а больше ни с кем. Даша вскакивала в четыре часа утра и к приходу Стёпки была уже одета, умыта и причёсана.

– А крючки запасные взяла?

– Взяла! И леску взяла!

– А червей накопала?

– Накопала! – Даша с торжеством показывала жестяную банку из-под консервов, выпрошенную у отца.

– На двоих накопала или только себе?

– На двоих! Стёп, дай твоё ведро, я понесу.

– Так оно ж пустое.

– А тебе жалко? Жадина-говядина, солёный огурец, по полу катается, никто его не ест! Я ведра понесу, а ты удочки.

Даша радостно шагала по траве, не чувствуя обжигающей холодом росы, размахивая ведрами и оживлённо болтая. Зато на берегу сидела истуканом: на рыбалке нельзя разговаривать и шевелиться тоже нельзя, так сказал отец, а отцу Даша верила. Вжималась лбом в озябшие коленки и смотрела не мигая на поплавок. На Степанову удочку смотреть нельзя, он рассердится. Он всё время на неё сердился, потому что Даша его облавливала. Возвращаясь домой, с трудом несла своё ведро, через каждые пятнадцать шагов останавливалась поменять руку, поглядывала виновато на Степана. Тот молчал, смотрел в сторону. Наконец не выдерживал и отбирал у неё ведро:

– Да не цепляйся ты. Руку отпусти, сказал. На вот тебе удочку, держи. Я до нашего дома донесу, а дальше ты сама.

Но Даша намертво вцепилась в дужку ведра и отчаянно мотала головой:

– Я сама! Я донесу! А то все увидят, что у тебя два ведра, а у меня ни одного...

– Ты ж не дотащишь, тяжёлое ведро-то. Уронишь, рыбы по дороге расплзутся, пока их соберёшь, в грязи изгваздаются.

Аргументы были весомыми. Даша нехотя разжимала пальцы и отдавала ведро Стёпке. А взамен получала удочки. Шагала, подпрыгивая на ходу и распевая на всю улицу «Ой, мороз, моро-оз, не-е морозь меня. Не моро-озь меня-ааа, маа-ево-о коня!». Деревенские провожали её взглядами, улыбались: забавная у Негубиных девчонка. На улице жарынь-жара, а она – вот возьми её! про мороз петь удумала.

Стёпке не до улыбок: его ведро было лёгким, а Дашино оттягивало руку. И ладно бы только сегодня, а то ведь – всегда! У Степана полведра карасей, а у Даши – карп-зеркалка и пара увесистых линей. Вот и сегодня у него десяток пескарей а у Даши сазан – огромный, килограммов на шесть. Пескарей Стёпка с досады выпустил обратно в пруд. Сазана они вытаскивали вдвоём, обмирая от сладкого ужаса и дружно вскрикивая, когда рыбина дёргалась и изгибалась удилище.

– Оборвёт лесу и уйдёт, видит Бог, уйдёт, Дашка!

– Не уйдёт. Не гунди под руку. И удочку отдай, я сама...

– Сама, сама... Засамакала. Держи крепче, да отпускай слегка, когда шибко сильно тянет.

– Не учи, без тебя знаю, – огрызалась Даша.

Сазана они вытащили, измотав рыбину до усталости (и себя вместе с ней). Разделили по-братски, разрезав ножом надвое. Даша, как хозяйка удочки, взяла себе половину от головы. Степан принёс домой сазаний хвост. Мать с отцом подшучивали над ним весь вечер, не отставала от них и бабка. А заглянувшая в гости замужняя сестра и вовсе зубоскальничала, словно радуясь его неудаче. Принесли её черти. Надо матери сказать, чтобы рыбы Аньке не давала. Не за что.

– Что ж в пруду-том, полрыбины плавало, хвостом подгробало, голову искало? Эко диво!

– Она целая плавала, – объяснял Стёпка. – Вы бы видели, какой он огромный, сазанище! Сазаниха. Мы с Дарьей вдвоём еле вытянули. А икры в ней было... Вы бы видели!

– А и где она, икра-та?

– Дашка себе забрала. Это на её удочку сазан поймался, – понурился Степан.

– Молодец девчонка! Девять лет, молоко на губах не обсохло, а нашего рыбака обрыбила. Родилась-то задохликом, Григорий сказывал, не чаяли, что выживет. И росточку в ней никакого, и голосок писклявый, а рыбалить пойдёт, дак всю семью накормит. Негубинская порода. – Митрий посмотрел на сына с жалостью. – А сам-то что же, так ничего и не поймал?

– Поймал, – стушевался Стёпка. – Пескарей пяток, гольянов ишо. Я их в пруд выпустил, пущай плавают.

– Дурень какой. Заявили бы пескарей-то, – вступила в разговор бабка. Неймётся ей.

– Вот и лови сама! И вяль сама! А ко мне не приставай! – выкрикнул Стёпка, давась слезами. – Что вы ко мне привязались? Я что ли виноват, что у Дашки ловится, а у меня нет? Уды у нас одинакие, крючки в одном магазине куплены, червей Дашка накопила на двоих... Я, что ли, виноват?

И выбежал из избы, крепко бахнув дверью, за что отец впервые не сделал ему замечания. Виновато улыбнулся и сказал:

– Однако перегнули... Иди, мать, сазана Стёпкиного жарь. А ты, Анютка, домой вертайся. Распустила язык, до слёз довела мальчишку. А в чём он виноватый-то? Рыбацкое счастье переменчивое. Сегодня подфартит, завтра омманет. Ступай, ступай, не облизывайся. Сазана без тебя съедим, не заслужила.

Митрий тяжело поднялся, расправил затёкшие плечи и отправился на двор, утешать сына.

С того дня Стёпку не отпускала обида, грызла острыми зубами, ночами не давала спать и жаждала отмщения. Дашка, ведьмака, крупную рыбу к себе подманивает, а ему мелочь пескариную оставляет. Может, слово заветное знает или заговор какой? А с товарищем поделиться не хочет.

Сердцем Стёпка понимал, что Дашиной вины в его неудачах нет. А злость ворочалась внутри, искала выхода.

Даше он отомстил, накормив её незрелыми зелёными яблоками. Глупая девчонка поверила, что от них появляется молодецкая сила, и съела сколько смогла, морщась от кислой горечи. Вечером живот крутило и баламутило, но Даша не жаловалась: уложат в постель, будут поить горьким отваром и ругать за то, что в рот тащит всё, что найдёт. Будто её не кормят. Ничего, она потерпит. Ляжет спать, и всё пройдёт.

Наутро живот почти не болел. Довольная, Даша отправилась с девчонками на луг собирать говорушки (луговые опята). Суп из них вкусный да сладкий, батя с дедом её похвалят, назовут молодой хозяйшккой, и пообещают привезти из города подарок – за старание.

Грибов она набрала полный передник. Хвасталась перед подружками, высоко поднимая подол, чтобы не рассыпать собранное. Живот вдруг скрутило режущей болью, от которой Даша зажмурилась. По ногам потекло что-то тёплое.

– Дашка, ты никак обделалась? Девочки, смотрите! У неё по ногам течёт!

– Вот уделалась... Как домой пойдёшь теперь? Ты лопух сорви, ноги вытри.

– Ха-ха-ха! Го-го-го! Обосралась знатно!

– Дашка-обосрашка! Иди от нас подальше, от тебя воняет.

Даша не помнила, как добежала до дома. Брезгливо стянула с себя загаженные трусики, налила в корыто воды из дождевой бочки и села в неё, заливаясь слезами и не чувствуя холода.

В нужник она бегала каждый час как заведённая, сопровождаемая дружным хохотом: Стёпка позвал на «спектакль» дружков, вся компания сидела на заборе и ухмылялась.

Мучения продолжались второй день. Стёпкины приятели второй день торчали на заборе и смеялись. Даша пришла к деду и рассказала ему обо всём. Но вместо того чтобы стащить Стёпку за ноги с забора и навешать ему оплеух, Андриян смотрел на внучку тяжёлым взглядом и качал головой. У других детки умненькие растут, а нашей десять скоро, а всё не поумнеет, – читалось в его глазах.

– А скажи ты мне, внученька, скоко раз тебе говорили, чтобы зеленушки не рвала, в рот не брала? Говорили тебе? Отвечай, коли спрашивают! – голос деда, обманчиво ласковый вначале, с каждым словом крепчал, наливался грозой. Лицо, знакомое до мельчайшей чёрточки, стало чужим, глаза смотрели со злым прищуром. Помертвевшая от страха Даша покорно отвечала – новому, чужому и сердитому деду:

– Говорили, дедушка. Я не рвала, Стёпка рвал...

– Про него мне не интересно слушать. Сейчас о тебе разговор. Говорили, значит, тебе. А кто говорил, помнишь?

– Ты говорил. И батя.

– Говорили, значит. А ты, значит, не слушала. Для тебя отцовское слово законом быть должно! А ты ни в грош не ценишь ни отца, ни деда, токмо в руки засматриваешь, подарков ждёшь. Тебе вынь да положь, да в сторонку отойди, – гремел дед, приблизив к ней красное от гнева лицо. Даша с тоской глядела на его встопорщенные усы, мясисто-красные губы и серые недобрые глаза. Понимала: обидчика не накажут, а вот её, Дашу, наказать могут, очень даже запросто. После той давней, единственной в Дашиной жизни порки она всё-таки пожаловалась отцу. С того дня дед никогда не поднимал на неё руку, что бы она ни вытворила. Но «вытворяя», она понимала, что когда-нибудь дождётся. Отец с дедом так и говорили: «Ты дождёшься когда-нибудь. Помяни моё слово, дождёшься».

Даша стояла перед дедом, слушала его нравоучения и изо всех сил сжимала колени, чувствуя близкий позыв.

– Чего зажалась? Обрат приспичило? Так беги, не стой столбом, не то в штаны наложишь прям в избе. Избяному не пондравится.

Даша сорвалась с места и помчалась во двор под радостное улюлюканье Стёпкиных дружков, оседлавших забор. Ей уже всё равно, ей лишь бы добежать... Что там дед говорил про Избяного? Он своих хозяев защищать должен, а по всему выходит, Стёпку любит больше чем её, Дашу.

В дом плелась с опущенной головой, мечтая об одном: прошмыгнуть в свою комнатку и дать волю слезам.

Дед ждал её возле лестницы. Значит, снова будет учить жизни и говорить, что она сама виновата. А ведь и правда, сама. Даша вспомнила, как Стёпка, откусив от яблока, подносил ко рту кулак. Он же не ел, в кулак выплёвывал! – осенило Дашу. – А ей наврал, что в зелёных яблок молодецкая сила. Всех мальчишек за пояс заткнёшь, обещал ей Стёпка и смотрел честными глазами. Она поверила. Послушно жевала горьковатую терпкую мякоть и ждала, когда в ней появится волшебная сила. Потому и сидит сейчас Стёпка на заборе и смеётся над ней, так жестоко обманутой.

Даша уткнулась лбом в дедов живот и разревелась. Андриян гладил её по спине, вытирал жёсткой ладонью слёзы, приговаривал ласково:

– Ничо́го, ничо́го... Всё пройдёт.

– Это тебе ничо́го. А мне чо́го! – упорствовала Даша. – Они знаешь как обзываются? Всякими словами. А Стёпка обиднее всех дразнит.

– Вот беда какая, обзываются... А как дразнят-то?

– Сруня-засеруня, дристуха и срань болотная, – добросовестно перечисляла Даша.

Список дразнилок она дополнила парочкой забористо-матерных глаголов. Дед нарочито прокашлялся и закрыл ей рот ладонью.

– Они-то пускай дразнятся, а ты не повторяй. В другой раз умнее будешь, в рот не потащишь чего не надо. Вот яблочный спас придёт, тады и будешь яблочками лакомиться. Яблок у нас много, белый налив, золотой ранет, антоновские... Ты какие больше любишь?

Даша подумала, выбирая.

– Белый налив. И ранетки.

Дед взял её за подбородок, осторожно поцеловал в покрасневшие от слёз глаза – сначала в один, потом в другой – и продолжил уже другим, будничным голосом:

– Вечор я к тётке Маше схожу, травки спрошу от живота. Медвежью болезнь как рукой снимают травки-те. Попьёшь денёк-другой, и всё пройдёт.

– Так долго? А как я эти два дня бу-уу-ду-у-у? – тянула Даша, прижимаясь лицом к тёплому дедову животу. Дед молчал, гладил её по волосам. От прикосновений мозолистых ладоней обида отдалялась, уходила, таяла речным туманом где-то вдалеке. И то, что казалось непереносимым, можно было перетерпеть и жить дальше.

– Так и будешь молчать и терпеть. – Дед словно читал её мысли. – Что ж ты раньше мне не растолковала про беду свою? Сказать боялась? Ты ж у нас одна, единственная-разъединственная. Нешто нам всё равно, что с тобой делается?

От тётки-Машиных травок понос прошёл, и в нужник Даша бегать перестала. Но с подружками с той поры не играла: завидев Дашу, девчонки со смехом разбежались, изображая испуг:

– Вон Дашка идёт, бежим от неё!

– Даша, иди штанишки смени, у тебя понос по ногам льётся!

Даша задирала платье и со страхом смотрела на свои ноги. Поняв, что подружки её обманывают, уходила с улицы домой, понуро наклонив голову и вперив глаза в землю.

Дразнили её не один год, не испытывая жалости, как это принято у детей. И только Стёпка каялся и просил его простить, но Даша непримиримо мотала головой и уходила в дом. Встречая Стёпку на улице, смотрела сквозь него, словно его не было.

Стёпка не успокаивался, бросал через забор Дашины любимые конфеты «Кара-Кум» В Клятовском сельпо таких не продавали, «Кара-Кум» Стёпкин отец привёз из города по его просьбе. Конфеты лежали на траве, размокали от дождей и превращались в грязные комочки.

Противостояние продолжалось три года. А на четвёртый обезумевший от любви Стёпка вкатил в негубинскую калитку велосипед, подаренный ему отцом на шестнадцатилетие. Он так давно о нём мечтал, а теперь понял, что без Дашки велосипед ему не нужен, кататься с ним она не согласится, а других катать он не хотел. Долговязая и нескладная в свои тринадцать лет, в Стёпкиных глазах Даша была королевой. Может, примет велосипед в знак прощения? Нельзя же злиться столько лет! Он любит её, изводится по ней ночами, а ей всё равно.

Велосипед Дашин отец привёл обратно в кожинский двор. На незаданный вопрос помогал головой: «Не берёт. Сказывает, не надо ей от тебя ничего».

4. Спаси рабу твою...

В свои тринадцать лет Даша не желала взрослеть и оставалась озорной девчонкой, уверенной в своей безнаказанности. Прodelок её было не перечесть.

– Смотри, накажет тебя домовик, – ворчал дед.

– Не накажет! Он меня оберегать должен.

– Это покуль ты себя ведёшь справно. А от тебя одни неприятности. Вчерась молоко разлила и кринку разбила. Сама, говоришь, кринка-та упала? А кто мимо бежал да на стол налетел, с места его своротил? Не ты? А кто ж тогда? Нехорошо, внучка... А скрыню кто запер? Теперь замок ломать придётся. Скажешь, не ты? Запирала-то чем? Гвоздём?

Даша покаянно кивнула.

– Оно и видно. Замочки погнуты да покорябаны. Мать-то увидит, горевать будет. Ключа у тебя нет, и скрыня-та не твоя, материна. Какого дьявола ты туда полезла? Спросила бы у матери разрешения, можа, она и позволила бы. Можа, сама замки отомкнула.

Скрыню – окованный металлом дубовый сундук с ручками по бокам и откидной крышкой в форме домика – Даша открыла, когда в избе никого не было, а мать лежала за занавеской и не видела. Сундук имел три отделения – одно в крышке и два в нижней части. На всех трёх висели замочки. Даша отыскала в сенях гвоздь и решила проблему. Перетряхнув содержимое ящичков и не найдя ничего интересного, с сожалением заперла – все три. Откуда же ей было знать, что после манипуляций с гвоздём замочки перестанут открываться?

Мать ни о чём не узнала: замочки отец поставил новые, ключи от них лежали в Катериной шкатулке, на месте старых. Даша клятвенно пообещала отцу не прикасаться к скрыне и даже близко не подходить. И продолжала безобразничать. Особенно любила глумиться над домовым. Не поленилась даже принести на лопате коровью лепёху и положить перед дверцей его домика. Ночью выйдет погулять и вляпается. На следующий день лепёха исчезла. Домовилица заругалась, муженька коровье дерьмо убирать заставила, радовалась Даша.

Избяной отомстил. Дождался-таки своего часа и нашептал на ухо Дашиному отцу, что зятя лучше Степана Кожина ему не найти. Посиделки с дядей Митрием были ничем иным как сговором – дошло наконец до Даши. Вот почему смотрел на неё масляными глазами Кожин-старший, вот почему так странно улыбался отец.

Даша дождалась, когда все уснут, и тенью выскользнула из дома, Дверь притворила аккуратно, но та вдруг вырвалась из рук и с силой захлопнулась. Даша едва успела отдернуть пальцы. Торопливо спустилась с крыльца и, подгоняемая страхом, бежала-летела по тёмной улице. У крайней избы остановилась, прижалась спиной к ветхому штакетнику, унимая бешено бьющееся сердце. Толкнула незапертую калитку. То, что она сейчас делает, стыдно и грешно, но отец не оставил ей другого выхода.

Стукнула в окно:

– Феденька, выгляни!

– Ктой-то там?

– Я это, Даша.

– Дашутка? Что ты в такой час... Случилось что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.